

Русское измерение «Commerce»:
кн. Д. Святополк-Мирский и Е. Извольская

Михаил Ефимов

Историко-архитектурный музей-заповедник «Выборгский замок»

Книга

Рецензируется книга: Sophie Levie and Gerald S. Smith, eds. *Letters from D.S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani*. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2015.

Контакты

mikhail.v.efimov@gmail.com

Ключевые слова

Д. Святополк-Мирский, Е. Извольская, семья Каэтани, литературная критика, русская эмиграция

Для итальянского читателя фамилия князей Каэтани не требует специального представления. Этот древний аристократический род дал не только двух римских понтификов (Геласия II и Бонифация VIII) и множество кардиналов, но и заметные фигуры в истории искусства. Одним из них был последний мужской представитель фамилии, композитор Роффредо Каэтани (1871-1961), князь Бассиано (Bassiano) и герцог Сермонета (Sermoneta).

Для русского читателя фамилия Каэтани связана, большей частью, с культурной, а не политической историей. Бабушкой Роффредо Каэтани, первой женой его деда, дона Микеланджело Каэтани (1804-1882), была Каликста Ржевуская (1810-1842), близкая родственница Каролины Собаньской и Эвелины Ганской. В свою очередь, родная племянница дона Роффредо, Топазия Каэтани (1921-1990), была замужем за выдающимся дирижером Игорем Маркевичем. Их сын, Олег Каэтани (р. 1956), широко известен как дирижер.

Дон Роффредо был женат на американке Маргарит Чэйпин (Marguerite Chapin, 1880-1963), в замужестве – Marguerite de Bassiano или Marguerite Caetani di Bassiano. Маргарит Каэтани известна как основательница, вдохновительница и редактор двух литературных периодических изданий – знаменитого журнала «Commerce» (1924-1932) и менее известного «Botteghe Oscure» (1948-1960).

Голландская исследовательница Софи Леви уже долгие годы занимается изучением и публикацией материалов редакционного архива журнала «Commerce», находящегося в составе семейного архива в Fondazione Camillo Caetani (расположен в Palazzo Caetani в Риме). «Commerce» по справедливости считается одним из наиболее значительных литературных журналов в межвоенной Европе. Его редакторами были Поль Валери, Валери Ларбо и Леон-Поль Фарг.

Любопытно, что редакторы и издательница ни разу не обнародовали программные установки журнала, и, по словам С. Леви, они «могут быть реконструированы лишь посредством историко-литературной классификации текстов, опубликованных в двадцати девяти номерах журнала, и на основании внутриредакционной переписки» (xxiii).

Важной частью редакционной политики было сочетание текстов современных авторов («jeunes», как их называла сама Каэтани) и «anciens textes». «Литературным сегодня» в журнале занимался Жан Полан, поэтому большинство представленной в «Commerce» молодежи было французами. Что касается историко-литературных разысканий, то ими для «Commerce» занимался Бернард Гротхойзен.

В журнале печатались А. Жид и С.Ж. Перс, П. Клодель и А. Бретон, Т.С. Элиот и Р.М. Рильке, Х. Ортега-и-Гассет и Х. фон Гофмансталь и многие другие. Как отмечает С. Леви,

«Commerce» был французским изданием; печатался в Париже, контролировался триумvirатом французов и большей частью представлял французские тексты, не печатавшиеся прежде. «Commerce» публиковал произведения, написанные на английском, немецком, итальянском, испанском, русском и датском языках. Отобранные редколлегией иностранные тексты печатались не в оригинале, а во французских переводах, которые делались впервые специально для этих публикаций. Всего журнал опубликовал сорок шесть оригинальных французских текстов – при том, что английских было девятнадцать,¹ немецких – восемь, итальянских – семь, русских – пять и испанских – три». (xxi)

Редакционная политика предполагала, что

поэты переводят поэтов, что привело к довольно многочисленным любопытным соположениям: перевод из Т.С. Элиота в третьем номере выполнил С.Ж. Перс; Поль Валери переводил Харди; поэт-сюрреалист Луи Арагон участвовал в переводе *Леонса и Лены* Бюхнера. Маргарит Каэтани всегда могла рассчитывать на Валери Ларбо: для «Commerce» он переводил с английского (напр., Эдит Ситвелл), итальянского (напр., Эмилио Чекки) и испанского (напр., мексиканца Альфонса Рейеса и аргентинца Рикардо Гуиральдеса). «Commerce», таким образом, оказывал сильное влияние на международный диалог, что точно соответствовало задачам Каэтани». (xxi–xxii)

М. Каэтани также привлекла ряд лиц, чтобы они предлагали для публикации в журнале произведения своих национальных литератур:

Для советов в области английской литературы она пригласила Т.С. Элиота. Ее итальянским советчиком стал Джузеппе Унгаретти. Для литературы на немецком она выбрала Райнера Мариа Рильке, после его смерти в 1926 г. – Хуго фон Гофмансталь; а после его кончины в 1929 г. – Рудольфа Касснера. По части русской литературы [...] она искала советов от Д.С. Мирского. (xxii)

Имя кн. Д.П. Святополк-Мирского (1890–1939) (печатался также под именами «D.S. Mirsky» и «Д. Мирский») в этом списке ведущих европейских интеллектуалов

¹ Отметим, что первые переводы фрагментов из «Улисса» Джойса на французский язык появились именно в «Commerce».

принципиально важно. Нынешнее издание содержит впервые публикуемые 26 писем, адресованные Мирским к М. Каэтани с 1926 г. по 1932 г. Эта публикация во многих отношениях заслуживает пристального внимания. Публикацию подготовил Дж. Смит, крупнейший в мире специалист по творческому наследию Мирского, автор единственной на сегодняшний день его биографии и множества первопроходческих публикаций, связанных с этой фигурой.

На сегодняшний день – во многом благодаря Дж. Смигу – имя Мирского надежно вписано в историю русской литературы и литературной критики первой половины XX в. Сегодня о Мирском как литературном критике и историке литературы можно говорить со знанием предмета, невозможным, например, тридцать лет назад, когда Мирский был предметом гипотез и слухов, а не исследовательского интереса. В России и Соединенных Штатах опубликовано несколько книг его избранных работ, знаменитая англоязычная *История русской литературы* Мирского стала доступной в России в переводе Р. Зерновой (и этот перевод неоднократно переиздан). Для специалистов в области изучения литературы русского зарубежья (в первую очередь – творчества М. Цветаевой и А. Ремизова) обращение к наследию Мирского стало обязательным.

Однако эта постепенно растущая известность Мирского имеет одну характерную черту. Сегодня в России Мирского воспринимают, в первую очередь, как одного из крупнейших литературных критиков русской эмиграции, как евразийца и как жертву «соблазна возвращения». Это вполне оправданные ракурсы рассмотрения, но они поневоле «русскоцентричны». На Западе же Мирский вызывал и вызывает интерес в качестве русского аристократа–интеллектуала, эмигранта и большевика, писавшего о России по-английски и по-французски. То есть в этом западном взгляде на Мирского есть осязаемая доля признаваемой экзотичности. Экзотичности в Мирском и впрямь хватало, но было бы упрощением видеть в нем лишь «fabulous monster». В опубликованных ныне письмах к М. Каэтани Мирский предстает в том своем качестве, которое, сколько можно судить, до настоящего времени оставалось наименее изученным – как европейский интеллектуал 1920-х годов, тесно общающийся с крупнейшими фигурами в сфере литературы и истории культуры.

Для Каэтани Мирский был в первую очередь экспертом по русской литературе, но – что не менее важно – тем «национальным экспертом», который обладал широчайшим кругозором, далеко превосходившим границы «специально-русского». В этом смысле крайне важно, что, как полагает Дж. Смит, знакомство Мирского с Каэтани произошло при содействии Бернарда Гротхойзена, участника – как и Мирский – знаменитых «Декад Понтины», куда приглашались лишь крупнейшие интеллектуалы межвоенной Европы (8).

Мирский был добровольным и эффективным посредником между русской словесностью и модернистской Европой в том ее виде, в каком она была представлена в «Commerse». Мирский убеждал Каэтани (с различным результатом) публиковать в журнале Ремизова, Цветаеву, Пастернака, Бабеля, Ник. Тихонова и даже Лескова – и выступал в разное время в качестве переводчика, редактора переводов и агента русских писателей. Важно отметить, что первичным поводом для общения Мирского с Каэтани была не столько «экспертиза» русского материала для «Commerse», сколько вопрос о возможной финансовой помощи со стороны Каэтани для издававшегося Мирским журнала «Версты». Здесь есть, казалось бы, место для некоей спекуляции: проverbsиальный нищий русский князь-

эмигрант² просит денег у жены богатого князя и наследницы американского капитала.³

Д.П. Святополк-Мирский (стоит в центре) во время одной из «Декад Понтиньи» (“Decades de Pontigny”) между М. Гато (M. Gateau) и Ж. Барузи (J. Baruzi). Сидят: Б. Гротхойзен (B. Groethuyzen) и М. Ранг (M. Rang). (Archives de Pontigny-Cerisy). Середина 1920-х. Иллюстрация из книги.

Несмотря на то, что сам Мирский остро ощущал тяготы финансирования «Верст» (о чем он много и резко писал своему другу и соредктору журнала, П.П. Сувчинскому), едва ли Каэтани воспринимала Мирского как просителя.⁴ Разговор Каэтани и Мирского велся в иной сфере – создания (созидания) новых ценностей, в чем Каэтани видела Мирского своим союзником. Потому Мирский имел все основания написать в первом же письме:

² Неслучайно, словно предвидя такую возможность, Дж. Смит замечает: «Он появился в эмиграции как почти карикатурный персонаж: русский князь, ветеран Белой армии, потерявший в результате революции все свои наследственные права, и даже второстепенный поэт». (6)

³ С. Леви приводит исключительно язвительный отзыв Р. Фрая о версальском салоне Каэтани (xvi). Можно предположить, что лишенный сословных обертонов, но эстетско-интеллектуальный по духу взгляд Фрая (с которым Мирский был хорошо знаком) мог – в какой-то степени – разделяться и Мирским.

⁴ Мирский, впрочем, писал к М. Каэтани: «Мы работаем в весьма трудных условиях, что до некоторой степени развивает в нас наклонности разбойника с большой дороги». (22-23)

Я убежден, что работа, которую мы делаем, и впрямь стоит того, и необходима не только нашей нации, но и в известном смысле всему человечеству. Поскольку, по правде сказать, мы – единственное русское издание, свободное от всепоглощающей политической односторонности и обращающее внимание на культурные и подлинно-литературные ценности. (xxii)

Неслучайно в переписке нередко встречается имя Т.С. Элиота – не только родственника М. Каэтани, но и заинтересованного лондонского собеседника Мирского.⁵ И показательно, что Мирский в письме к Каэтани упоминает свой разговор с Элиотом о первородном грехе и вечном проклятии (30). Мирский был подлинным «собеседником на пиру» в кругу лучших европейских поэтов и мыслителей и, по словам Дж. Смита, письма к Каэтани

показывают его в качестве советчика по части английских текстов для «Commerse» – как художественной прозы, так и нон-фикшн – аспект деятельности, ранее неизвестный, хотя и неудивительный, учитывая его многочисленные опубликованные рецензии на подобные тексты в 1920-х гг. (10)

Потому Мирский и обсуждает с Каэтани, например, Дж. М. Хопкинса, *Ночные мысли* Юнга или У. Эмпсона, что и для Каэтани, и для себя самого он не был «этно-информантом». Дж. Смит удачно формулирует это следующим образом:

то, что Мирский имел сказать о различных русских и английских писателях, упоминаемых в письмах к Каэтани, находит свое выражение в поразительной уверенности, свойственной ему в обращении с текущей европейской литературой. Мирский раздает категоричные оценки, без задержки или оговорки, спокойно и уверенно перемещаясь в пространстве четырех языков. (19)

«Исключительная языковая многосторонность» (19) Мирского – одна из своеобразных метатем в переписке с Каэтани. Сам Мирский неожиданным образом придерживается скептического тона, говоря о себе. Так, обсуждая свою статью о Пушкине, написанную для «Commerse», Мирский пишет: «Я не полностью доволен – частью из-за французского языка [...]. Если вы решите печатать статью, то надеюсь, что мой французский будет ощутимо отредактирован» (39). Позже, говоря о своей написанной по-французски статье об Элиоте, Мирский замечает: «Моя английская подруга, прочитавшая статью, сказала, что была поражена, насколько мой французский лучше моего английского. Сомнительный комплимент!» (51). Любопытное свидетельство содержится в письме 1928 г., в котором Мирский обсуждает возможность своей встречи с Р. Касснером: «Понимает ли он по-французски или по-английски? Я без проблем могу говорить по-немецки, но не могу написать по-немецки письма» (36, подчеркнуто Мирским). Свидетельство исключительно ценное и – в ретроспекции – провокационное, поскольку, как известно, в 1929-1931 г. журнал «Slavische Rundschau» опубликовал несколько статей Мирского на немецком языке, причем указаний на то, что это чьи-либо переводы с русского, в публикациях не было.

⁵ И не только собеседника. Мирский опубликовал статью о Чехове в журнале Элиота «The Criterion», а в своем журнале «Версты» – статью об Элиоте, английский перевод которой выполнен Дж. Смитом, приведен в рецензируемом издании (р. 62–64).

Русское присутствие в «Commerce» не ограничивалось, однако, одним Мирским. В рецензируемом издании впервые публикуются три письма к М. Каэтани, написанные Еленой Александровной Извольской (1896-1975). Извольская известна исследователям как переводчица, подруга М. Цветаевой и деятельница экуменического движения. Однако до настоящего времени ее публикации в «Commerce» не привлекали специального внимания, а, между тем, они того заслуживают.

В журнале Извольская опубликовала переводы на французский язык 1 января 1924 Мандельштама и двух стихотворений Пастернака, *Душной ночи* и *Отплыть*. Дж. Смит ссылается на Л. Флейшмана, утверждающего, что переводы Извольской были первыми, представившими поэзию Пастернака иноязычной аудитории (70). Дж. Смит, известный своими многочисленными работами по истории русского стиха и переводами из русской поэзии, дает исключительно ясный и контекстуально-богатый анализ переводов Извольской. Смит тонко отмечает и демонстрирует разницу между осознаваемым Извольской вызовом, который ставили перед ней как переводчицей тексты, и найденными ею решениями.

После публикации переводов из Мандельштама и Пастернака в «Commerce» появится еще лишь одна работа Извольской – перевод фрагмента *Арана Петра Великого*. Перевод подвергся серьезной редакторской правке, после чего планировавшаяся публикация перевода *Медного всадника* не состоялась и сотрудничество Извольской с Каэтани сошло на нет.

Е.А. Извольская, между 1949 г. и 1956 г., предположительно в Fordham University. (The Weinberg Memorial Library, Scranton University, Pennsylvania). Иллюстрация из книги.

Роль Извольской в «Commerce» можно было бы считать сугубо периферийной, однако не следует забывать, что, помимо первопродоческих переводов из Мандельштама и Пастернака (к слову, оцененных последним весьма высоко), именно Извольской довелось стать автором первой, судя по всему, статьи о журнале Каэтани по-русски. Она была опубликована в парижском «Звене» в 1925 г.

и в нынешнем издании впервые републикована по-русски, а также дана в английском переводе Дж. Смита.

Нелишне упомянуть и о том, что Извольскую и Мирского связывало давнее и взаимно-приятное знакомство. Так, Мирский был бальным партнером Извольской на придворных балах в императорском Санкт-Петербурге. Дж. Смит проводит любопытную параллель между биографиями Извольской и Мирского – представителей аристократических семей, детей высокопоставленных царских чиновников, вынужденных эмигрантов, людей письменной культуры, посредников в межнациональном диалоге. Отметим, что созданный Смитом исключительно богатый подробностями биографический очерк Извольской обещает, судя по всему, усиление интереса к этой незаурядной личности и, будем надеяться, поспособствует появлению двух книг воспоминаний Извольской в русских переводах.

Письма Мирского, в свою очередь, представляют специальный интерес для исследователей русско-итальянских связей. Так, в письмах 1928 г. Мирский дважды упоминает Андреа Каффи. Первое упоминание: «Смерть как хочу увидеть Каффи» (35). Второе – в контексте обсуждения жизни Вяч. Иванова в Италии: «Думаю, что он [Иванов] перешел в католицизм. Каффи это тоже знает? Сгораю от нетерпения увидеться с Каффи» (37). Упоминания Каффи Мирским примечательны тем, что впервые свидетельствует о факте знакомства Мирского с Каффи (неизвестном ранее) и, сколько можно заключить, знакомства близкого и доверительного.

Письма Мирского и Извольской сопровождаются вступительной статьей С. Леви (*Marguerite Caetani, an American patron in Europe*), обширными статьями Дж. Смита и его же исключительно подробными комментариями к письмам. Беспристрастности ради отметим единичный недосмотр. Говоря о совместном с Ж. Лимбуром переводе *Египетской марки* Мандельштама (опубликован в «Commerce» в 1930 г.), Мирский замечает: «В одном месте он [Лимбур] предлагает вставить русскую букву “ы” (в начале). Не знаю, возможно ли это технически» (46). Хотя Дж. Смит замечает, что «неясно, где именно должна была быть вставлена заглавная Ы», очевидно, что речь идет о фрагменте, посвященном итальянской певице Анджиолине Бозио: «Защекочут ей маленькие уши: “Крепцатик”, “щастие” и “щавель”. Будет ее рот раздирать до ушей небывалый, невозможный звук “ы”».

Бесспорным достоинством книги является то, что тексты писем Мирского дополнены текстами четырех его рецензий, посвященных авторам, обсуждаемым в письмах к Каэтани. Это три рецензии, опубликованные в «Современных записках» (Пастернак, Мандельштам, Бабель), и одна (Элиот) из «Верст». Переводы на английский язык выполнены Дж. Смитом и являются ценным вкладом в корпус англоязычного Мирского, поскольку лишь немногие тексты Мирского, написанные по-русски, доступны до сих пор в английских переводах.

В целом, нынешнее издание демонстрирует исключительно высокий публикаторский и научно-исследовательский уровень и будет востребовано специалистами по истории русской литературы, литературной периодики Европы 1920-1930-х гг., русско-итальянскому и русско-европейскому культурному диалогу и сотрудничеству. Исследователи же наследия Мирского, в год 125-летия со дня его рождения, получили в распоряжение ценнейший материал, добавляющий новые черты к портрету Мирского – черты не только профессиональные, но и человеческие.

Библиография

- Levie, Sophie. *«Commerce», 1924–1932: une revue internationale moderniste*. Roma: Fondazione Camillo Caetani, 1989. Print.
- . *La rivista «Commerce» e il ruolo di Marguerite Caetani nella letteratura europea, 1924–1932*. Roma: Fondazione Camillo Caetani, 1985. Print.
- Levie, Sophie, ed. *La rivista «Commerce» e Marguerite Caetani*. I. Briefwechsel mit deutschsprachigen Autoren. Hrsg von K. E. Bohnekamp und S. Levie. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2012. Print.
- Salvagni, Lorenzo. *In the Garden of Letters: Marguerite Caetani and the International Literary Review Botteghe Oscure*. PhD Thesis, University of North Carolina – Chapel Hill, 2013. Web. 28th December 2015.
- Ungaretti, Giuseppe. *Lettere a Marguerite Caetani*. Eds. S. Levie e M. Tortora. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2012. Print.
- Брешиани, М. “Русские тени: Портрет Андреа Каффи.” *«Персонажи в поисках автора»: Жизнь русских в Италии XX века*. Пер. с ит. А.В. Ямпольской. Сост., науч. ред. А. д’Амелия, Д. Рицци. Москва: Русский путь, 2011. 261-85. Печать.
- Талалай, Михаил Г. “Андрей Иванович Каффи: сопротивление большевизму и нацифашизму.” *Нансеновские чтения 2009*. Под ред. М.Н. Толстого. Санкт-Петербург: ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. 197-203. Печать.